

Владимир РУДАК

г. Петрозаводск

ПЯТЫЙ ОКЕАН

*Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом.
Когда зачерпываешь воду из колодца, уносишь с собой луну.*

Федор считал, что сгинуть в суровой пучине могущественного водоема гораздо престижнее, чем в речке с мутной водой. Да и в море утонуть уже статуснее, чем в обычном озере. Пресные воды выглядят неким бюджетным вариантом для утопающего. Океан — это самый шикарный вариант. Особенно, если ты живешь далеко от маломаляски приличного водоема. Федор лежал на диване, закинув руки за голову, и прислушивался к тому, как упоительно звучит в его сознании фраза: «А вы что, не знали, что Федор Елисеев утонул в прошлую среду в океане?» Он улыбался, представляя изумленные лица знакомых, которые, переполошившись, обсуждают случившееся. Маму, конечно, очень жалко. Она хоть и чрезмерно увлечена перепиской с мичиганским клубом «Полтергейст», а все-таки родной человек. А отец будет только рад. Не потому, что не любит его, а по причине образования новых философских взглядов, благодаря которым ему удавалось находить любым житейским горестям жизнеутверждающее объяснение. Правда, он откровенно рыдал, заперевшись в почерневшей баньке, когда его любимая крольчиха померла от какого-то нелепого отравления удобрениями.

Отец несколько лет назад перебрался в пригород со своей новой подругой. Они поселились в деревенском доме, оставшемся ему в наследство от бабушки. В молодости отец был целеустремленным. С годами его неуемная энергия не утратила своего накала, а просто перешла в другое русло. Сначала он занялся очищением организма. Потом увлекся происхождением огромных скелетов, которые то и дело стали находить современные археологи, так постепенно его интересы пошли под откос, как считала мама. Отрастил волосы, стал носить рубаху с русской вышивкой по вороту и ходить босиком. Собственно, как и его подруга, Ариадна, которая любила бродить перед домом в длиннополом платье, с венком из одуванчиков на голове. Мама считает, что именно она и втянула отца в этот

псевдославянский бред. Так часто случается, что мужчины и женщины, выполнив все свои установленные программы, ударяются в какие-то альтернативные виды жизнедеятельности. Не каждый может выдержать игру по правилам. Сначала ты живешь как все люди. Как принято в обществе. Но в тот самый момент, когда ты делаешь открытие, что обществу-то нет особого дела до тебя, то тут же начинаешь задумываться, а ради чего это я всего тут нагородил? Родители клеймят своих детей в неблагодарности. Потому что те не делают то, чего от них все ожидают. Безусловно, порядок вещей кроется в сохранении традиций и установленных правил. Но вдруг однажды появляется тот, кто открыто протестует и идет наперекор всем устоям. Первое время община возмущается, а позже отдельно взятым личностям закрадывается в душу сомнение, а почему бы тоже не пойти другой тропой? Своей, а не той, что кто-то придумал до тебя. Так и сорвалась Елизавета Степановна со скалы, когда решила отведать орлиных яиц. А ее дом перешел папе.

Однажды мама на даче столкнулась с необъяснимым фактом, который положил начало ее чрезмерному увлечению мистикой. Дело не в пропавших лыжах, их, скорее всего, сперли какие-то аккуратные бродяги. Ничего не было взято, кроме этих самых лыж. На втором этаже послышались отчетливые шаги. Заиграла музыка. Кто-то включил приемник, который не работал лет десять. Он там стоял как предмет раритета, не более. Большой такой, с округлыми краями, что характерно для радиол пятидесятых годов выпуска. Маме казалось, что старые вещи помогают сохранить настоящий уют, в который вложена душа. Она включала приемник, нажав на клавишу, похожую на лошадиный зуб. Гасила свет, оставляя гореть в темноте только подсветку шкалы. Это все, что работало в приемнике. Ей нравилось водить пальцем по стеклянной вставке, исписанной названиями городов, и думать о чем-то приятном. О том, что, скорее всего, никогда не случится с ней.

В котле с кипящей водой нет холодного места.

Федор стер всю информацию с жесткого диска своего рабочего компьютера. Ему необ-

ходимо было купить путевку к океану, чтобы закончить всю эту суетную жизненную возню красиво. Он решил, что возьмет с собой самое необходимое. Ведь ни к чему человеку, который будет топиться в океане, много вещей. Немного денег, книжка с буддийскими изречениями, которая осталась у мамы дома, и путеводитель по Венгрии. Там живет его бабушка. Он даже ее адрес знает. Ему казалось это крутым. Как-то особенно звучит: «У меня есть бабушка в Венгрии». Почему-то его не покидала мысль, что она каким-то таинственным образом имеет отношение к роду графа Дракулы. Во всяком случае, так ему хотелось думать. Он не был поклонником вампирских историй. Но бабушку представлял в черном кружевном платье, с высокой прической из смоляных волос, живущей в большом мрачном доме, похожем на замок. Еще стоял выбор океана. Должен быть какой-то один из четырех. Ведь он же задумал не восхождение на различные вершины, а единственное мероприятие во всей своей жизни. Тихий, Атлантический, Индийский или Северный Ледовитый?

Когда он приехал к отцу, тот не без гордости угостил его собственной картошкой. Над чугунным котелком поднимался душистый пар. Расписные деревянные ложки лежали рядком аккуратно возле ломтей черного хлеба. Федя приехал попрощаться, но так и не смог сказать отцу, что собрался по делам к океану. Тот радостно суетился, накрывая на стол. Ариадна принесла солений. Отец сел рядом и, дыхнув чесноком, сказал, что она почти готова. Когда Федор спросил, кто это она и к чему готова, отец хитро прищурился и выпалил, что готова книга, которую он писал несколько лет. Сборник лекарственных трав Алтайского края «Зеленое здоровье». Ариадна прилепила на край стола жвачку и смачно захрустела огурцом. Федор спросил, почему книга именно про алтайские травы? Похоже, этот вопрос не очень понравился отцу, но он сохранил улыбку, так как считал себя человеком мира, а значит, не мог гневаться по пустякам. А то, что сын ничего не понимает в алтайских травах, это, собственно, полная ерунда. Не все же должны в них разбираться. Алтай же далеко, сказал Федор. Как ты можешь знать, что там за травы?

– Бадан толстолистый, боровая матка, володушка золотистая, грушанка круглолистная. Продолжать?

Мама сказала, что ей позвонил Валерий Николаевич Султанов и сообщил, что ему пришлось взять лыжи, чтобы добраться до города. Он обязательно их вернет. Зимой он оставался жить один в опустевшем дачном поселке. Его добротный дом торчит прямо при въезде. Высокий забор. Пара собак. Хоромы в три этажа. В один из дней ему срочно понадобилось в город, а дорогу завалило. Всю ночь шел снегопад. В выходные дорогу никто чистить не станет. Вот ему и понадобились наши лыжи. Так как мама ему оставляла на хранение ключи от своего дачного домика, он ими воспользовался и взял широкие охотничьи лыжи, в которых отец ходил в лес, когда еще не был таким странным и счастливым. Он всегда брал с собой ружье, хотя охотиться не любил. Стрелял только по снежным шапкам сосен.

Мама всегда ходила по квартире в бахилах. Федор остался стоять в коридоре, чтобы не пачкать идеально вымытый пол. Он только хотел взять с собой книгу буддийских изречений, но оказалось, что ее нет. Мама сказала, что вывезла все ненужное на дачу. Книга тоже там. В тот самый момент, когда Федор хотел с ней попрощаться, рассказав про океан, ей позвонили. Она помахала ему рукой и удалилась в комнату, притворив за собой дверь. Федор немного постоял в одиночестве, а потом отправился на дачу за книгой.

Утки, вышитые на ковре, можно показать другим. Но игла, которой их вышивали, бесследно ушла из вышивки.

Султанов пригласил Федю зайти. Внутри дома было уютно и светло. Он налил две чашки крепкого чая и поставил на стол плетеную корзину с пряниками. Потом снял с гвоздя ключи и отдал их Федору. Как-то так получилось, что они будто невзначай заговорили про океаны. Валерий Николаевич спросил, чем увлекается Федя. Он ответил, что океанами.

– А ты знаешь, что водный массив, окружающий континент Антарктиду, называют Антарктическим океаном? То есть можно сказать, что на самом деле океанов не четыре, а

пять, — Султанов откусил свежий пряник и хлебнул чая.

Федя был приятно удивлен таким фактом. Ему нравилась мистика, а это именно она и была. Пятый океан, о котором знают только посвященные. Еще ему стало интересно, а откуда в поселке свежие пряники.

– Между прочим, все океаны соединяются между собой. То есть по большому счету океан один. Мировой, — остатки пряника исчезли во рту председателя дачного поселка. Несколько крошек застряли в завитушках меховой жилетки.

Федя этого не знал. Он примерно представлял, где было бы круто утонуть. Самое примечательное место в Тихом океане — это Марианская впадина. Звучит очень красиво. И там достаточно глубоко. Но вопрос в том, каким образом можно туда добраться? Не скажешь же какому-либо хозяину катерка, чтобы тот подкинул до Марианской впадины. Абсурд.

«А вы еще не знаете, что Федор Елисеев утонул в Марианской впадине?» А звучит все-таки шикарно.

Федор шел по лесу на лыжах отца. Он хорошо знал эти места. Все детство прошло на даче. Ранним утром зимний лес, погруженный в легкую дымку, казался творением любителя гипертрофированной сказочности Тима Бартона. Вся эта история с океанами не так-то и проста, как может показаться. Мол, какой-то неудачник решил свести счеты с жизнью в романтическом стиле. Вовсе нет. Федор считал, что он рожден для того, чтобы утонуть в океане. У каждого человека есть свое дело на земле. Его дело — океан.

Когда силы иссякли, Федор остановился, снял лыжи, сел, прислонившись спиной к толстому стволу сосны. Закрыв глаза. Ему надо еще долго идти вперед, чтобы выйти к пятому океану, где, возможно, на него накатит огромных размеров волна и смоеет все его горести, а заодно и его самого с пустынного берега одиночества.

Есть такие, которые, находясь в дороге, не покидают дома. И есть такие, которые, покинув дом, не находятся в дороге.

— Мы ещё черпанём радости своим бортом! — сказала бабка Юлка и рухнула на кучу кедровой шелухи. Арнольд рванулся было ей помочь. Но Степан, родной брат отца, остановил его коротким: «Оставь!»

Чуть поодаль остяк Понька методично выдавливал нутро отёсанного ствола. Вперившись немигающими глазами в одну точку, он будто погрузился в первобытный транс. Говорят, что Понька — лучший мастер-лодочник. Хоть и пьяница. Отец, очумевший от свободы и избытка самогона, крепко спал в доме. Матовое солнце пробивалось сквозь застиранные цветастые занавески, одаривая нежным теплом рассыпанную на придвинутом к окну столе фасоль. Утром отец как дитя радовался всему подряд. Он так давно не был за пределами мегаполиса, что бросался восторгаться от любой безделушки. Арнольда почему-то это раздражало. Ему казалось, что отец ведёт себя наигранно, отчего становится дураком. Почерневшая от времени деревянная кофемолка валялась рядом с ним на кровати. Он просил Степана подарить ему её, но тот наотрез отказал: «Здесь она ещё стодится, и не раз, а вам лишь бы играть», — чеканил он. Отец был под хмельком, поэтому обижался и предлагал деньги. Запуская руку в портмоне, шелестел купюрами. Между братьями всегда было соперничество. Отец руководил успешной рекламной компанией. Степан был промысловиком и всячески пытался подчеркнуть своё превосходство, потому что считал себя единственным продолжателем дела предков.

— У вас тут, поди, шуки много, — Арнольд специально сделал нажим на «поди», в его представлении это было неким сближением с народом, который по каким-то непонятным, но, безусловно, справедливым законам вселенной оказался в этой беспросветной глуши. Отцу можно отбивать бесконечные земные поклоны только за то, что он умудрился выскочить из этого тёмного омота, в который затягивает зазевавшегося человека стремительно и безнадежно. Красиво здесь, что тут говорить. Но сквозит во всём какая-то обречённость. Арнольд сделал несколько десятков снимков ржавого трактора на свой «Canon» и теперь выбирал самые удачные ракурсы, прикидывая, какой из них выложить в Ж.Ж.

— Кому она нужна-то, твоя хренова шука? — усмехнулся Степан.

— Как это кому? — Арнольду не очень-то импонировало такое пренебрежение к почитаемой им породе рыбы. Там, дома, только при одном упоминании о шуке чуть ли не хороводы всем районом начинали водить. А уж если удавалось разжиться настоящей, большой, ну, в общем, шукой, а не жалким шурёнком, то эту рыбину могли несколько дней носить завёрнутой в мокрую тряпку по соседям, будто невзначай показывая. Привирая, что она свежевывловленная. Арнольд тоже в какой-то степени был рыбаком. Не сказать, что часто, но несколько раз отец брал его с собой в пригород, где его сослуживец держал двухэтажный дом с медвежьими шкурами на полу и стенах. Рядом бежала река с каким-то смешным названием, которое Арнольд всё никак не мог вспомнить. Ему хотелось рассказать напряженному Степану о ней, чтобы тот засмеялся. То ли Сяпка, то ли Няпса. Они забрасывали бамбуковые удочки и ждали. Сердце радостно трепыхалось, когда двухцветный пенопластовый поплавок утягивало под воду. Потом они чистили яйца, резали хлеб острым армейским ножом с ребристой пилой и варили уху. Ели, громко причмокивая и расхваливая мелких подмосковных окуней. Мужики охотно выпивали. Много говорили о вреде городской среды на душу человека, измельчении нации, слабенькой духом молодёжи и своей некогда бурно цветущей молодости, которая была самым прекрасным временем во всей жизни. Потом друг отца играл на расстроенной гитаре и громко кричал песни про десантников. Недое-

денная уха стыла густым наваром. Костёр угасал. Мужики засыпали. Арнольд нюхал остатки водки в бутылке и смотрел телевизор в доме.

— А вот у нас в Москве, — начал было Арнольд.

— Это в какой такой Москве? — грубо прервал его Степан, холодно сверкнув глазами: — Что за Москва-то такая, а? — На какое-то мгновение Арнольду показалось, что Степан стал прибавлять в росте, как былинный богатырь. Того и гляди смахнёт его своей огромной ручищей с пня, как жука-короеда. Ему хотелось дружить с этим угрюмым человеком. Всё-таки он его дядька. Чтобы они вместе сидели у костра, ели печёную картошку и смеялись по-доброму. Но почти каждое слово Степана было с какой-то недоброй подковыркой. Он не позволял к себе подступиться. Хладнокровно жалил по любому поводу, как потревоженная змея. Арнольду казалось, что Степан завидует тому, что отцу удалось уехать в большой город, да ещё и сделать карьеру. При встрече он не выказывал особого радушия. Без особой благодарности принял подарки. Даже как-то небрежно. Хотя они с отцом долго думали и выбирали, что привезти Степану. Дорогие финские снасти, костюм непромокаемый, рюкзак с отделениями.

— Покажи-ка дядьке Степану, где же она притаилась. Куда двигать, чтобы найти Москву-то эту, где всё знают про великую рыбу щуку?

К своему стыду, Арнольд даже представить не мог, в какой стороне может в настоящий момент находиться его родная Москва. Жадно пульсирующее сердце страны. Он потупил взгляд. Вот если бы с навигатором.

— Что, нет такой, выходит? — засмеялся бронхальным смехом Степан. — Ты меня спроси, что тут где находится, — я тебе вмиг покажу. И доведу, если дойдёшь ещё, конечно, дохляк-то такой. — Степан усердно плёл какую-то толстую верёвку, смотрел в сторону, произнося все эти жуткие для Арнольда слова. Вдруг ему стало невыносимо больно и страшно. Что, если это правда? Нет Москвы. Так ведь и нет ее, в самом деле, если говорить о настоящем моменте. Енисей есть. Ручкой подать. Мужики толкуются на берегу, что-то обсуждают, размахивая руками с почерневшими ладонями. Теплый ветерок нет-нет да донесёт мат-другой. Бабка Юлка лежит, запрокинув голову. В полуоткрытый скривленный рот, похо-

жий на трещину в торце полена, набивается настырная мошка. Рядом щенок пристроился, уткнул нос себе под хвост, поскуливает во сне, дергает лапками. Маленький совсем, но его уже берут везде с собой. Смотрят, будет ли отрабатывать свой хлеб. Здесь задарма рассчитывать не на что. На что тут может сгодиться сотрудник пиар-отдела? Он бы рад кому помочь разобраться с регистрацией на eбай, но кому здесь это интересно? Они же почти всё сами делают, им ничего не нужно заказывать в интернет-магазине.

— Не едим попусту мы щуку вашу. Рыбы вы не знаете. Она уж на самый запас. Собакам дать да, в крайнем случае, себе, когда где пережало. Но уж не на стол же её со всеми почестями. Ты видал налимы какие у нас, видал?

Арнольду было знакомо название, но налима он в глаза не видел. Врать не стал. Потому что Степан мог вытащить откуда угодно этого злосчастливого налима и ткнуть ему им в нос, и тогда позора совсем не миновать. А ведь он заходил перед поездкой на сайт рыболовецкой компании. Там был представлен полный список всяких промысловых рыб. Надо было копирнуть, распечатать, прочитать, пока добирались сюда всеми видами транспорта. Поленился. Лицо Степана озаряло торжество. Ему хотелось, чтобы на очкарика Арнольда напал голодный медведь, вот тогда он почувствует каждой клеткой своего московского организма, каково это быть промысловиком, а не городским проньрой, добывающим еду в гастрономе. Степан тогда уцелел чудом. Лиловые рубцы во всю грудь так и зудят от обиды и злости. Арнольд тем временем расстегнул молнию фирменной ветровки, оттянул ворот. На жёлтом капроновом шнурке болтался радиоприёмник. Не китайский. Он его специально заказал из Америки. Ждал месяц, пока доставят. Солнечная батарея, ручка для подзарядки, влагозащитный корпус, светодиодный фонарь. Включил. После характерного эфирного шума зазвучали знакомые каждому в этой огромной стране позывные. «Маяк».

— Есть Москва, — прошептал Арнольд, — есть. — Он вскочил, подхватил бабку Юлку с земли и начал с ней кружиться в каком-то диком танце. Она безвольно болтыхалась в его руках, как большая тряпичная кукла.

— Есть Москва! Есть!

Елена Степановна часто заходила на сайт местной организации nudистов «Смелая нагота». Каждый раз, когда она уже готова была отправить заявку на вступление в группу, что-то ее останавливало. Наверное, это были последствия скупого на чувственность воспитания. В их семье сдержанность почиталась наивысшей добродетелью. Эмоции хранились надежнее, чем фамильные драгоценности, которые никогда не носят и никому не показывают, а только вскользь упоминают, чтобы отметить статус владельца. Праздники походили на скучные методические занятия. Накрывали дубовый стол с толстыми, как у бегемота, ножками. Ставили еду в изящных блюдах. Чокались хрусталем, поздравляли друг друга. Не было блеска в тостах и огня в беседах. «Оставим это простолюдинам», — так выражалась бабушка Анатолия Генриховна,

в прошлом прославленная пианистка. Елена Степановна часто вспоминала ее крючковатые пальцы в кольцах с разноцветными камнями, ломающие халву. Такие же были у сорвавшегося после удара током со столба электрика-высотника. Он лежал на асфальте, накрытый плащ-палаткой майора из первого подъезда, и не дышал. На его крик сбежался весь двор. Дворник снял кепку и сказал: «Из праха в прах». Из-под плаща торчала скрюченная рука с подергивающимися пальцами, только что без колец.

В голых телах есть некая притягательная сила, считала Елена Степановна. Ею двигал не физический интерес, ее пленяла эстетика. Она просматривала галереи нудистов и верила в духовную силу обнаженных людей. Люди прекрасны, даже если их фигуры не совсем пропорциональны. Руки, ноги, гениталии. В обычном обществе, где все оценивают друг друга по одежде и по тому, что под ней, было сложно комфортно устроиться человеку с иными взглядами и неидеальными пропорциями. Ей хотелось нестись по пляжу с каким-нибудь голым мужчиной навстречу набегающей волне. Громко смеяться, вскрикивать, падая во вспененную воду. Она мечтала примкнуть к свободным от предрассудков людям, чтобы наслаждаться жизнью, пока есть такая возможность.

Вся родня потихоньку перебралась за границу. Анатолия Генриховна была женщиной непредсказуемой. Когда Елена Степановна узнала, что унаследует пятикомнатные хоромы, то долго не могла в это поверить, так как не ждала ничего подобного от бабушки. Ей приходилось много платить за их содержание, но благо ее поддерживал старший брат Петр, регулярно пополняя счета. Он держал сеть отелей в Греции, где жил вместе с женой и тремя детьми. Брат постоянно приглашал ее в гости, но она все никак не могла собраться. Пожалуй, Петр был единственным человеком из всей родни, кто умел откровенно радоваться простым вещам и делать людям искренние комплименты.

По настоянию бабушки Елена Степановна прошла весь путь обучения от музыкальной школы до консерватории, чтобы стать доблестной пианисткой. Анатолия Генриховна была деспотична и правила всем их семейством до самого своего последнего вздоха, отдающего наф-

талином. Добиться особых высот Елене было не суждено, но определенную известность в узких кругах она все-таки обрела. К ней приводили учеников разного уровня. Но как только она вышла на пенсию, тут же решила отказаться от частных занятий, чтобы наконец-то посвятить все оставшееся время себе. В учениках Елена Степановна видела маленькую себя. Отталкивало ставшее ненавистным стремление к славе, которая обошла ее, даже не погладив слегка по голове в знак признательности за все эти годы терпеливого ожидания.

Какое-то время Елене Степановне очень нравился один мужчина. Элегантный. В черной шляпе. Он жил двумя этажами выше. Все изменилось после того, как она выяснила, что он глухонемой. Ей хотелось вбегать в море под радостный крик, а не в суровом безмолвии. К сожалению, мечта никак не могла реализоваться с какими-то поправками и компромиссами. Созданный в виртуальной реальности сознания тонкий и хрупкий механизм не запустится без идеально подходящих друг другу деталей. Сначала она увидела в окно, как мужчина в шляпе выходит из подъезда и садится в машину. Этого было достаточно для того, чтобы она начала подлавливать момент его возвращения. На звук подъезжающей машины подбегала к окну. Волновалась. В забытье неистово терла краем фартука тарелку. Однажды ей повезло. Увидев, как он направлялся в подъезд, Елена Степановна тут же вышла на лестничную площадку. Поздоровалась с ним. В ответ ни слова. Он прошел мимо, даже не взглянув в ее сторону, что стало поводом для терзаний и самоуничужения одинокой женщины. Она выпила два пузырька «боярышника», стопку коньяка и допила сухое вино, простоявшее с прошлого года в кухонном шкафу. Слезы стремительно сбегали по щекам, заполняя глубокие складки морщин. Их вкус напомнил ей отдых на Азовском море. Мама лежала на покрывале в солнечных очках и наслонявленным кусочком газеты на носу, а она плескалась на мелкоте, опоясанная надувным кругом, глотая морскую воду. Было это или нет? Как в любимом кино, с героями которого так не хочется расставаться, что надпись «Конец фильма» отдается болью в груди. Сначала ей было жалко себя. Потом она возненавидела ограниченный мир мужчин, погряз-

ших в сладострастных фантазиях. Затем представляла себя обличительницей бессилия молодости и красоты. Десятки тысяч красавиц мира рыдали, узнав, что красота улечучивается быстрее тряпок на сезонной распродаже. Только потом, когда уже не осталось места для разоблачений, Елена Степановна увидела, как мужчина в шляпе во дворе разговаривает с женщиной при помощи жестов. Опять поплакала пару часов, но уже без успокоительного и алкоголя.

Светлым пятном детства и начала юности были занятия стрельбой из лука. Отец возил юную Елену на «Волге» два раза в неделю на тренировки к своему знакомому лучнику. Естественно, бабушка не приветствовала это и всячески старалась убедить отца прекратить пустую трату времени. Проницательная Анатолия Генриховна считала, что он пытается реализовать свою безуспешную спортивную карьеру, используя дочь. «Не должна девочка стрелять из лука или метать молот. Потому что подобные вещи никоим образом не сказываются на развитии личности», — бабушка трясла седой головой в негодовании.

Самой же Елене стрелять из лука нравилось больше, чем заниматься музыкой. У натянутой тетивы была своя мелодия. Она благодарна отцу за то, что он не поддавался настойчивому давлению бабули и продолжал возить ее на тренировки. Заметно прогрессируя, Елена получала разряд за разрядом. Выигрывала более ценные призы, чем те, что вручали за исполнение непреходящей классики. Намеревалась дойти до олимпиады. Но все закончилось после того, как тренер подарил ей свой лук, а сам уехал жить в Канаду. Вернее, он сбежал вместе с женой во время соревнований в Ванкувере. Елена на какое-то время слегла, потому что была чувствительной и ранимой. Прикипала к людям и сильно переживала, когда они уходили из ее жизни. Тренер звонил по праздникам. Еще от него приходили посылки со жвачкой и вещами. Отец объяснил Елене, что Вальтер не мог больше здесь оставаться. У него не было никакой возможности воплотить в реальность свои творческие замыслы. В то время Елена не понимала, что это значит. Только позже, повзрослев, выяснила, что Вальтер писал опальные стихи, обличающие систему. Детство таяло на глазах, как кусок рафинада в стакане с

горячим чаем. С другим тренером не заладилось. Захлещенный лук, колчан и единственная стрела хранились в дальней комнате, там же, где стояло пианино, вымпелы, кубки и медали. Она туда не входила уже несколько лет. Тяжелые бархатные шторы, напитанные пылью, закрывали окна. Дверь заперта на замок. Массивный ключ с витиеватой бородкой висел на гвозде рядом с косяком. Это был законсервированный портал в прошлое, который ей никак не хотелось активировать. Она, как и многие, никак не могла выбросить не востребуемые вещи. Старые фотографии, которые никогда не будет смотреть, потому что они возвращают ее в прошлое, где даже самые светлые воспоминания оказываются в траурной рамке.

Мужчин в жизни Елены Степановны было мало, как пассажиров у кремлевского «ЗИЛа», предназначенного исключительно для избранных. О чем она нисколько не жалела. Мужчины находили ее вполне привлекательной, но сама она считала, что ее ноги коротковаты, а зад недостаточно заметно выпирает. Замужество не сложилось. Хотя временами ей казалось, что не сложилась вся жизнь. Пианисткой она не стала, за границу не уехала, наивысшего достижения по стрельбе из лука вместо нее добилась Кетеван Лосаберидзе. Живет в пятикомнатных хоромах одна. Подруг нет. Им как-то не находилось места в ее плотном графике между музыкой и спортом. Да и не любила она сближаться с людьми, ведь это всегда влечет за собой какие-то обязательства. Она заметила, что в своем большинстве все лишь пользуются друг другом, как инструментами для монтажа собственной жизненной конструкции. Ее не привлекали посиделки с душевными излияниями и объятиями. Если ты о чем-то кого-то просишь, то будь готов к тому, что попросят и тебя. Наверняка случится обида, когда ты не бросишься исполнять чью-то дружескую волю. Она готова была заболеть и оказаться в самой неприглядной больнице без должного ухода и врачебного внимания, отдавшись полностью в руки судьбе. И будь у нее возможность этого избежать посредством звонков нужным людям и просьб, она бы ее не использовала. Представляя себе подобную ситуацию перед сном, Елена Степановна улыбалась, на нее накатывала сладкая дрема. Она никогда не видела

снов, чему не переставала радоваться, проваливаясь в дымчатую пустоту.

Несовершенные люди хотят, чтобы совершенные не очень-то задавались и были проще. Богатые относились благосклонно к бедным и охотнее делились бы с ними деньгами. Чтобы на телевидении доставались места телеведущих не только красоткам. А то ведь даже погоду рассказывают модельного типа девицы, что притягивает к экранам совершенно незаинтересованных в метеорологии мужчин и отталкивает женщин с посредственными природными данными. Во многих странах идет упорная борьба за равноправие среди абсолютно нестыкующихся по взглядам и предпочтениям граждан. В большом количестве люди с плакатами чего-то требуют у других людей, которые постоянно им чего-то недодают. С такими мыслями Елена Степановна вышла из дома. Магазин находился рядом. Нужно было пройти через длинную арку с лепниной по своду, в которой сохранялась прохлада даже в самые жаркие дни. Шаги отдавались коротким эхом. В конце тоннеля ждал двор с шелестящей сочно-зеленой листвой деревьев. Город прекрасен, считала она. Пока не раздался отчаянный мат. Во дворе стояло несколько парней. Они выглядели заведенными. Особенно один из них: передвигался дергаными шагами, отчаянно жестикулируя. Елена Степановна поравнялась с компанией. Сначала хотела развернуться, чтобы обойти дом, но гордость ей не позволила. В груди отчаянно стучало сердце, рука, зажимающая ручку сумки на колесиках, взмокла так, что начала скользить. Дерганный продолжал материться, сетуя на то, что ни у кого нет денег, а он планировал хорошо провести время. Она узнала его. Парень жил в соседнем доме.

В магазине Елена Степановна отвлеклась, вычеркивая из списка карандашом с рекламой пищевых добавок купленные продукты. Настроение было превосходным, отчего еще меньше хотелось с кем-либо разговаривать. Когда тучный мужчина хотел завести с ней разговор возле полки с мясными нарезками, она резко отшатнулась к сырам. На обратном пути Елена Степановна думала о том, как приготовит себе на ужин овощной салат, запечет в духовке куриную голень, а потом посмотрит фильм «Легенды осени», кото-

рый скачала еще утром из локальной сети. Ее вполне устраивало то, что современные технологии позволяют многие вещи делать, не выходя из дома. Даже продукты она могла бы заказать в Интернете со скидкой. Но ей хотелось прогуляться, чтобы не утратить совсем навыки прошлой жизни.

— Она, тупая сука, мне говорит, почему ты не приехал вовремя. Прикинь! — Дерганый проговаривал ругательства с наслаждением. Будто выполнял жизненно важную задачу.

— А ты ей че?

— Че, я послал ее в жопу!

— Вы не могли бы дождаться, пока пройдет женщина, а потом уже открывать свои рты? — Елена Степановна остановилась.

— А где тут женщина? — грубо сказал Дерганый, и все тут же поддержали его дружным гогогом.

— Лучше спросите себя, где здесь мужчины? Я вижу только ржущих дебилов.

— Ты че, бабка, охренела? — Дерганый прищурил глаза. — Вали отсюда, пока по хабальнику не получила.

— Ну, пошла отсюда, — добавил его дружок, отлипая от стены. — Ты слышал, старая тварь назвала нас дебилами!

Елена Степановна понимала, что разумней было не связываться, но если все будут молчать, то скоро миром начнут править такие вот придурки. Она так часто молчала в своей жизни. Ни во что не вмешивалась. Никогда ни за кого не вступалась, что стало противно. Ей претило то, что в ее присутствии кто-то открывает свой поганый рот и извергает ругательства. Только она хотела что-то добавить, как в следующую секунду почувствовала пинок под зад. Он был таким сильным и неожиданным, что она упала, сильно ударившись лицом об асфальт. Стало темно. Так же темно было в большом дубовом шкафу, в котором она любила прятаться в детстве. Он стоял в кабинете дедушки возле стены с часами. Елена незаметно пробиралась в него и сидела подолгу, мечтая о будущей жизни среди висящих на вешалках пальто и костюмов. В отличие от бабушки, дед был более миролюбивым. Читал внучке сказки, которые сам же и придумывал, так как был детским писателем. В его кабинете часто допоздна горела настольная лампа с дутым абажу-

ром, свет от которой пробивался тонким лучиком через замочную скважину, рассекая темноту. Елена тихонько вставала с постели, шла в большую комнату, чтобы посмотреть на этот луч. Почему-то он вселял в нее веру, давал ей какие-то надежды, пока в один из вечеров сердце деда не остановилось. Луч погас.

В голове звенело, как после удара в колокол. Елена Степановна открыла глаза и с трудом поднялась. Никого рядом не было. В противоположном проеме арки мелькали проезжающие машины, слышался гул голосов и детский смех. Лицо саднило. Из носа текла кровь. Первый раз в жизни она смотрела на то, как густые капли ее крови падают на пыльный асфальт. Расцарапанные ладони обжигало болью. Придя домой, Елена Степановна села за стол с ноутбуком и отправила заявку в клуб «Смелая нагота». Закусив губу, преодолевая боль в руках, заполнила графу за графой, указывая все необходимые данные. Затем не спеша приготовила ужин, читая про себя одно из своих любимых стихотворений Бродского.

Не выходи из комнаты, не совершишь ошибку.

Зачем тебе Солнце, если ты куришь «Шипку»?

За дверь бессмысленно все, особенно — возглас счастья.

Только в уборную — и сразу же возвращайся...

Новостной сюжет про молодого человека, поступившего в городскую больницу в бессознательном состоянии со стрелой в шее, побил все рекорды просмотров в Интернете. Пожилой врач отметил, что это единственный случай в его практике, ранее ни с чем подобным ему не приходилось сталкиваться. У пациента определенно возникнут серьезные трудности с восстановлением речевого аппарата. Есть различные предположения, каким образом стрела оказалась в его шее, но пока никакой конкретики на этот счет нет. Все разводят руками.

Обнаженная Елена Степановна с радостным криком вбежала прямо в набегающую волну, держа за руку голого грека Ириарха, с которым ее познакомил Петр при встрече в аэропорту...

На бревенчатой стене между окнами в деревянной, окрашенной морилкой рамке висела фотография деда. У него были пышные усы с закрученными кверху кончиками и кепка с черным козырьком, в котором навсегда застыл отблеск взорвавшейся нити накаливания лампы. Фотограф спрятался под черной тряпичей, держа в руке фотовспышку, сказал общепринятую фразу про вылетающую птичку и сделал снимок. Бабушка смотрела в окно и говорила тихим, надтреснутым голосом о какой-то глубине — слово, брошенное в ее хваткое до подобных вещей сознание проходящим сквозь деревню монахом. Крепко держал натруженными руками за округлые бока глиняный кувшин, пил молоко. Достоинно, без жадной глотки кадыка. Спокойный и голодный. Живя почти на одном дыхании ладана. Конечно же, кто-то сказал, что по его следам проросла зеленая трава, сочная и яркая, как на репродукции одного известного художника. Все оттого, что монах был особенным, не какой-то там мошенник в пошитой на заказ рясе. Ему завернули в застиранную тряпицу краюху черного хлеба, не самую свежую, но еще податливую, и большую, размером с царское яблоко, золотистую луковичу. Он почтено поклонился в ноги, тихо сказал: «Глубина-то какая... глубина...»

Бабушка была растрогана этими словами, внутри что-то тонко запело. С тех пор ей не давала ни-

какого покоя эта самая глубина. Она во всем видела скрытый тайный смысл. Соседка попросила у нее пару яиц в долг. Бабушка прошептала:

— Что мы знаем о мироздании?

Соседка потупила взгляд, так как ее познания в этой области были предельно скудны. Ее интересовали яйца, вокруг них сейчас все вращалось. Яйца всему голова. Проще было смотреть в пол, разглядывая мелкий сор, думать о яйцах, чем пытаться рассуждать на подобные темы.

— То-то и оно, то-то и оно, — тяжело вздохнула бабушка, приподняла край рушника и достала из плетеной дедом корзинки три яйца. Три, а не пару. Добавила, что это не в долг, а так. Без возврата.

— Как так? — спросила соседка, испуганно глядя мимо бабушки куда-то в сторону дедовой фотографии.

— Яйца и яйца, ешьте и ешьте, — ласково улыбнулась бабушка. Даже не верилось, что в прошлом году она умело топила щенят в ведре с мутной и пенистой водой, приговаривая: «Повидали свет и будет. Много вас таких, ребята. А вот черненького оставлю. Пусть сторожит дрова».

* * *

Яков лежал на печи. Леденцы. Железная коробка с нарисованным корабликом, джентльменами во фраках и дамами в длинных платьях с веерами, прогуливающимися на причале. Дядька привез, когда был в городе по торговым делам. Купил в большущем магазине с красочной вывеской, расположенном на центральной улице. Во всей округе ни у кого не было такой коробки. Соседи приходили его любоваться, кое-кто даже приезжал из соседней деревни. Несколько часов на телеге перлись, чтобы увидеть какую-то разрисованную жестянку. Глупые, любопытные люди. Яков водил пальцем по крышке коробки и представлял, как красивый пароход величественно покидает берег. Одна дама кидается вслед. Вот она бежит по причалу все быстрее и быстрее. Каблуки бьют в деревянный настил. Тревожно. Дама прыгает в воду. Подол ее платья пузырится над поверхностью воды, как абажур, головы женщины не видно. Все ахают. Один мужчина подумал, что если бы он был водолазом и находился в это время под водой, то...

Человек-художник отметил очарование нас-

тоящего момента. Абажур. Головы дамы не видно. Трагизм. Надо срочно писать картину. Он давно пребывал в вакууме. Идеи не шли. Куда ни глянешь — все старо и скучно. Тут сама жизнь подкидывает ему мысль. На. Держи. Только будь аккуратней. Свежая идея, как печеная картошка. Горячая, перекидывай из ладошки в ладошку. Остужай. Но не роняй под ноги! Растопчут.

Поднимается шум. Джентльмены тоже прыгают за ней. Неуклюже бьют руками по воде, будто тряпичными веслами, стараясь выглядеть грациозно, не умея плавать. Опытному матросу пришлось их затаскивать в свою шляпку, скалясь от смеха железными зубами. От напряжения на его волосатой руке шевелился вытатуированный якорь, опутанный тросом. Как воспитанные люди, они стеснялись безучастно остаться на берегу. Каждый прыгнул в воду не за тем, чтобы кого-то спасти, а чтобы проявить благородство. Один джентльмен, замешкавшись, пробормотал: «Ох, если бы не эта аристократическая мишура, разве стал бы я полоскаться в этой речке. Оно мне надо? Подумаешь, баба прыгнула... дура. Самая обычная дура. Таким лишь бы куда прыгнуть или залезть».

Прежде чем кинуться с пирса в воду и сделать из платья абажур, та женщина влюбилась в прославленного иллюзиониста. Он был с гастролями в Лондоне. Случайно столкнулись под Биг Беном. Он сказал: «Не подскажите, сколько времени?» А она. А она: «А вы голову поднимите». И тут же оба залились смехом. Так заразительно, что все стали смотреть на них и тоже улыбаться. На ограде сидели два голубя, когда они коснулись друг друга клювиками, она сочла это хорошим знаком. Посмотрела в небо и прошептала: «Сенкью вери матч. Ой, сенкью...»

Пока корабль покачивался, удерживаемый якорями, она справлялась с собой, но стоило раздаться призывному гудку...

Иллюзионист показывал занимательные вещи. К примеру, фокус с шелковым платком. Тянул из кармана бесконечную связку. Еще интереснейшие манипуляции с веревками. Вышел мужчина с неистово черной бородой, кажется, владелец популярной скобяной лавки на углу. Его пригласил подняться на сцену САМ маэстро, протянул средней толщины веревку и попросил намотать интеллектуальных узлов. В любом

количестве. Тот, сопя, принялся затягивать хитроумные сплетения, даже придавливал конец веревки ботинком с округлым носом, чтобы затянуть наверняка. И что вы думаете? Все его труды не возымели успеха. САМ взял и легким, еле уловимым движением распутал все узлы. Дунул, и они пропали. Неудивительно, что многие женские сердца были разбиты вдребезги.

* * *

Уютно тикали часы. Маятник, как будто сплюснутый половник, носило из стороны в сторону. Едва заметно покачивались подвешенные за цепочки чугунные шишки. Если они умеют разговаривать, то им не скучно, как тем, кто не умеет разговаривать и передавать на расстоянии мысли. Яков знал, что речка с обрывистыми берегами обманчиво кажется мелкой. На самом же деле она очень глубокая. Както с друзьями привязывали к веревке железный крюк — выгнутую арматуру с заточенным о камень концом, — пытались достать до дна и, может, кого подцепить на него. Ничего не получилось. Нет дна у реки. Хотя, наверное, веревка была слишком короткой. И еще они нервничали — боялись, что Федька Чаплак не врал, когда рассказывал про Водохвата.

— Эта подлюка может без труда утащить под воду любого самого здорового мужика, а то и нескольких, — говорил Чаплак. — По моим прикидкам, пятерых одним разом, не моргнув.

— Столько народу одним разом? — ребята многозначительно переглянулись.

— Мне ни к чему фантазировать. Есть непостижимые вещи в этой жизни, далекие от нашего понимания. Можно, конечно, иронизировать на этот счет, но факт остается фактом: Водохват существует, хотим мы этого или нет!

— И что, даже Серафима Ладожского утащит? — спросил Яков, поглядывая на своих друзей с торжеством. Все знали, что Ладожский был силачом, каких свет не видывал. Он мог поднять наковальню над головой, не пошатнувшись, а потом швырнуть ее на другой край картофельного поля. Один раз так и было, говорят, чуть не зашиб Марфу: наковальня грохнулась рядышком с ней. Она так испугалась, что рухнула без памяти в траву, вцепившись мертвой хваткой в просаленный фартук. Пришлось везти ее на телеге домой, очень крупная женщина, а руки так и не

расцепили, хватка, как у медвежьего капкана.

— Водохват, ребятаки, это вам не человеческое существо. Ясно? — Федька затыгивался жадно, как будто курил последнюю, аж фильтр трещал. Сейчас ему завернут руки за спину. И все. Каждая секунда радовала, будто венецианский дукат, падающий в сложенные лодочкой грязные ладони бродяги.

* * *

Все знали, что Марфа злющая тетка. Цепная собака. На нее было не угодить. Степан, ее муж, даже, было дело, обрадовался, когда увидел, как во двор медленно вплелась лошадь, запряженная в телегу. Он заметил вздутый, торчащий, как зад бегемота, живот Марфы, загораживающий собой солнце. Ее тело покачивалось из стороны в сторону, ноги были широко раскинуты.

«Боты новые, надо бы снять, глядишь, Любаве подойдут, — подумал Степан. — Не пропадать же добру. Так, чтобы не при народе». Степан сидел на чурбаке, курил. Густой дым выходил через ноздри тягучими, плотными струями. Ни для кого не было секретом, что он крутит с Любавой. Она его очаровала. Приподнимет бровку, глянет на Степана, у него так и выиграет все в тазобедренной области, казалось, что она взглядом способна подпалить сеновал. Темные, будто коровьи глазища. Степан не любил этого сравнения. Ему становилось не по себе, он начинал нервно передергивать плечами, будто по ним бе-

гали муравьи. Ему виделась туша дохлой коровы с почти чёрными, как чуть переспелые сливы, глазами. Лежала на дороге. Мертвая. Запомнилась с детства. Шли с отцом мимо, наткнулись.

Удар случился в тот самый момент, когда Степан собрался отрубить курице голову. Представлял, как ее лапы будут торчать из кастрюльки в побулькивающей воде. Знахарь настоятельно рекомендовал какое-то время подержать Марфу на наваристом бульоне, с грубой пищей стоило пока повременить. Слаба она. Бывает такое, что испуг выбивает человека из размеренной жизни сильнее, чем физическая травма. Топор взметнулся вверх. Замер. Степан вдруг коротко ахнул, начал медленно оседать, обдирая голую спину о грубые, с завитушками вяленой коры доски сарая. Топор, обухом звякнув о точильный камень, зарылся в сырые опилки. Степан вперся глазами в чурбак, окрашенный куриной кровью, годами стекавшей по трещинам, напитывая собой сухую сердцевину, рефлексивно толкнув ногой от себя землю, будто намереваясь взлететь, закрыл глаза. В угасающем сознании пришел на память день окончания Великого поста, как он с яростным нетерпением крутил ручку громоздкой мясорубки, перемалывая хрящи и мясо в фарш. Перед глазами мухами мельтешили котлеты. А еще Любава. И боты...

Чуть отодвинув занавеску, бабушка смотрела на улицу, покачивала головой: «Глубина-то какая... глубина...»

□

Владимир Иванович РУДАК

родился в 1968 году.

Прозаик, музыкант, пробует себя в кинорежиссуре.

В 2006 году в журнале «Север» опубликована

повесть «Змея, кусающая свой хвост».

Через три года вышла в свет книга «Вечный сахар» (2009).

Повесть «Вечный сахар» переведена на финский язык

и опубликована в журнале «Карелия».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

